

Ширли-мырли от Гаркалина

Кто-то любит гладить собак или кошек, кто-то - любимых женщин, а вот Валерий Гаркалин обожает гладить постельное белье - длинные белые простыни, и чтоб до последней складочки... А брюки и рубашки - не любит. Похоже, что и к своей актерской профессии у него столь же нетрадиционный подход: сниматься начал, когда ему было весьма за тридцать, до этого много лет водил кукол по всей стране... Можно, конечно, списать это на случай и сказать, что ничего здесь от него не зависело. А можно возразить, что случай - штука закономерная...

- Я заканчивал факультет актеров театра кукол при образцовском театре. Ансамбль из нашего курса вырос - "Люди и куклы". Много лет работали. Так что получается, что к началу моей собственно актерской карьеры я был уже махровым, глубокоим кукольным. После ансамбля даже у Образцова три сезона работал.

- А как же так случилось, что сначала вы предпочли людям кукол, а потом, наоборот, куклам - людей?

- Так и случилось, очень просто - я стал кукольным, не поступив ни в один актерский вуз. Вообще кукольники в столичных театрах - как правило, несложившиеся драматические артисты. А Сергей Владимирович Образцов, чья "диктатура" распространилась на всю страну, не принимал "совмещения живого с неживым", марионеток не признавал, считая почему-то, что это театр умерших. Поэтому марионеток в стране не существовало.

- Создавая "Люди и куклы", вы думали Образцова переубедить?

- Было еще одно обстоятельство - мы друг друга очень полюбили. Бывают такие курсы, с ощущением подлинного братства. Нам не хотелось расставаться, а Образцов брал к себе восьмерых из тринадцати. Тогда к Образцову никто не пошел, а мы создали группу. И Образцов этого не забыл. Когда, 8 лет проработав в ансамбле, объездив всю страну, я оттуда ушел и пришел к Образцову...

- Простите, а почему ушли-то?

- Причин много было - и творческих, и человеческих. А главная - семья. Я боялся потерять Катю - в каждый город, где мы выступали, она приезжала на день-два, как декабристка. Потом, я пить стал много: что это за жизнь - гастрольная? Это же не жизнь. Вот я и пошел на поклон к мэтру, и он мне все припомнил. Он, оказывается, дал слово, что никого из восьмерых, которые его тогда отвергли, не возьмет. Но он такой добрый был, Сергей Владими-

рович... Правда-правда, он очень любил спасать семью, помочь несчастному, животных любил... Вот так - с одной стороны вроде бы диктатор, а с другой, например, спас всех евреев в театре во время борьбы с космополитизмом. Надо было их сокращать, а он сократил русских: "Русские себе найдут еще работу, а еврей уже никогда". Об этом не любят вспоминать почему-то.

- Так он вас взял?

- Взял, но на страшных условиях. Унизительных. Сто рублей в месяц - а у Хайта в ансамбле я 170 получал. Но теперь я понимаю, что Образцов мудрый человек был. Он мне сказал: "Ваше место не за ширмой, вам нужно из-за нее выходить".

- И как вы из-за нее вышли? При помощи Сергея Бодрова и фильма "Катала"?

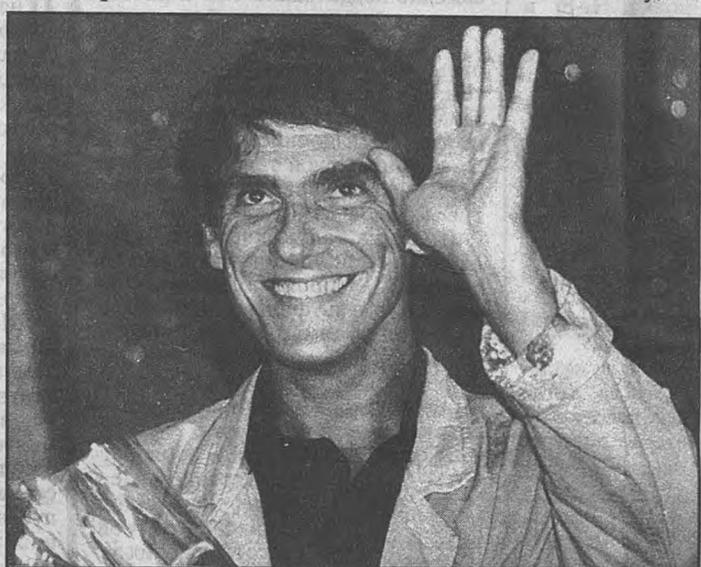
- Бодров меня пробовал, когда я еще был кукольным. Но я учился параллельно в ГИТИСе на режиссуре эстрады и массовых представлений.

- Как Пугачева.

- Да, она еще училась, когда я поступил. Легенды ходили о том, какая она была хорошая ученица.

- А вы?

- Ученик я был блистательный. Книжки читал, Аристофана... У нас сдать экзамен, не читая, было просто невозможно. И потом, чувствовал нехватку знаний. Я тогда был неучем, а состояние невежества - ужасное состояние. И еще я дочь воспитывал, безработным был три года, вел какой-то кукольный кружок в МИСИ... Родители жены были тогда обеспеченные люди. Они сняли дачу, и я там дочку мыл, купал, она на моих глазах развивалась, и это было время ужасное - потому что без-

работный - и счастливое, потому что когда же еще...

Так вот, про Бодрова. Редакторша, которой на пробах не было, потом посмотрела и сказала: "Ну это же не русский человек! Как вы можете его снимать вообще?!" Бодров "наивно" отвечает: "Ну как... по-русски разговаривает". В общем, не дали Бодрову меня снять. Зато с Театром сатиры потом все сложилось замечательно.

После "Каталы" меня как-то резко стали узнавать. Это, впрочем, довольно быстро прошло. Я бросил пить - вообще - и резко похудел. А в "Катале" я был такой... одутловатый. Да еще кино немножко "увеличивает"...

Часто бывало даже так, что таксист, например, скажет: "Где-то я вас видел..." Я знаю где, но молчу. Он думает, думает, потом спросит: "Ты, что ли, каталу играл?" Ну я раскалываюсь, говорю: да, я. "Да нет, не похож. Тот здоровый мужик, нормальный, а ты какой-то..."

- Почему сначала не признавались?

- А я стеснялся. И потом, меня чаще всего сразу приглашали разыграть партейку. И доказать кому-то, что я "играла" в смысле "изображала", было невозможно. На гастролях, на съемках: "Да ну, ладно... расскажи хоть тогда, как ты это дела-

ешь". И в любом более или менее крупном городе мне "малины" было просто не миновать. Садился по правую руку от Прыща какого-нибудь...

- А когда они узнавали, что вы в картах - ноль, негативных реакций не следовало?

- Ну, я не доводил никогда до игры в карты. Первое время я тоже чувствовал себя таким... крутым, но никогда не забывал вовремя уйти.

- В кино вы тоже вовремя ушли из преступного мира. Следующая громкая работа - "Белые одежды". И имидж закоренелого преступника сразу отклеился, начал создаваться имидж многоплодного артиста.

- Спасибо режиссеру Лене Белозоровичу, который в меня поверил. На пробах я его разочаровал

совершенно - он тоже ожидал какого-то крутого увидеть. И персонаж мой был русский былинный герой, а я - темный, кучерявый... И меня на всех уровнях снова начали забравывать, давить на Белозоровича. Но он мужик упрямый, жесткий. А работали мы с ним просто потрясающе. Это был единственный режиссер, который доверял мне абсолютно, безоговорочно. Поднимает секундомер: начали! Камера работает, а он на секундомер смотрит. То есть мы с ним как бы на равных, и это, конечно, греет.

- А после "Ширли-мырли", где вы сыграли четыре роли, много предложений сниматься?

- Самое ужасное, что вообще никто не приглашает. То есть были предложения - Митта пригласил, очень хорошая работа. Нет денег. Потом еще приглашали - то же самое. Потом вообще перестали поступать приглашения. Раньше только успевал отказываться. Сразу после съемок у Меняшова я отказался от десяти очень интересных предложений - специально посетил. У Карасика, у Кары на пробы Коровьева, Иоселиани даже приглашал. А я не мог. И теперь - пустота. Может, кончились деньги во всем отечественном кино?

- Но все же после "Ширли-

мырли" вы ощутили некую смену статуса - ну, в том смысле, что теперь, наверное, уже никому не надо объяснять, кто такой Гаркалин?

- Да, конечно. Меняшова меня вывел на орбиту такой высокой популярности... Я теперь трудно хожу по Москве, езжу в метро - я чувствую вот эту очень приятную степень настоящей узнаваемости - не как у телешоумена, а как у любимых артистов, сыгравших в наших лучших комедиях. С Александром Сергеевичем Демьяненко - Шуриком - я снимался в "Белых одеждах", и он как-то высказывал свою досаду по поводу того, что Шурик испортил ему всю биографию. А мне кажется, зря он гневит судьбу, потому что это была действительно роль. Только комедийная. А сегодня это вообще счастье - попасть в зрительный зал. Я снимался в картине Елены Райской "Роль" - большая хорошая работа, на меня специально сценарий был написан. И не дошла она до зрителя. А "Ширли-мырли" - дошла. Я в спину на улице или в метро часто слышу: "Капусточка, конечно, дело хорошее..." Это говорит о том, что в народе кино все-таки прижилось.

- А почему вы на метро ездите? Известный артист, как же без машины?

- Знаете, я никогда не был так богат, чтобы купить машину. Да и зачем она мне? Театр мой в двух шагах от дома - вон, дорогу перейти. С Галиной Борисовной Волчек мы долго вели переговоры о возможности моего перехода в ее театр. И она долго не могла понять истинную причину моего отказа. Я что-то лепетал о том, что вот Валентин Николаевич Плучек очень любит меня, и вообще у нас очень удачный творческий союз... Она говорит: "Я же вижу, Валера, что вы лукавите, что-то скрываете..." Приперла меня к стенке, и я сознался: "К вам на метро с двумя пересадками ехать". Она рассмеялась, потому что действительно трудно представить себе более искренний ответ. Насчет перехода в Художественный театр тоже были разговоры, которые закончились тем же по той же причине. Я очень люблю театр - театр вообще. Это образ жизни для меня, и на какую-то отдельную работу в другом театре я бы еще согласился. Но пока Театр сатиры стоит рядом с моим домом, я ему не изменю.

Владимир МАРТЫНОВ
Фото Эдуарда Кудрявického

Москва: прим. к "Аргументам и фактам" - ноябрь (1948) - с. 1.